

А. А. Бурханов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

albert_burhan@list.ru

**ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ДАРГАНСКОГО ОАЗИСА ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ АМУДАРЬИ
В СИСТЕМЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВО-КАРАВАННЫХ ПУТЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЛЕБАПСКОМ ВЕЛЯТЕ ТУРКМЕНИСТАНА)**

Археологические исследования в северной части Лебапского вейлата (Восточный Туркменистан) в пределах Дарганского оазиса позволяют охарактеризовать роль городов, поселений и караван-сараяв в системе торгово-караванных путей Древности и Средневековья. Между границей Чарджууского оазиса и караван-сараяем Дая-Хатын сохранились руины ряда укрепленных поселений и рабатов, которые разрушаются под влиянием природных факторов и деятельности человека. Центр Дарганского оазиса (историческая область Южного Хорезма в пределах Лебапского региона) – городище Дарган исследован пока рекогносцировочно. Уникальным объектом оазиса является архитектурный комплекс караван-сарая Дая-Хатын (рабат Тахирия). Важным центром на торгово-караванном пути между Амударьей и Гурганджем был город Джигербент. На участке торговых путей Дарган – Джигербент расположены развалины Ак-рабата. Важными центрами были Садвар, Капарас и Елхарас. Дальнейшее изучение остатков городов и поселений Лебапского региона, расположенных на трассе древних и средневековых торгово-караванных путей, на одном из важных участков Великого шелкового пути, является одной из важнейших задач исторической и археологической науки.

Ключевые слова: Лебапский регион, Дарганский оазис, Южный Хорезм, Амударья, города, поселения, торгово-караванные пути.

Река Амударья всегда определяла судьбы народов, селившихся в ее бассейне и называвших ее также Оксом и Джейхуном. Приамударьинские города, в том числе в пределах среднего течения, оказавшись на трассе древних и средневековых торгово-караванных путей, объединенных в систему Великого шелкового пути, на своем отрезке – от Бактрии – Тохаристана до Хорезма, от Согда до Маргианы – старались сохранить контроль над торговыми операциями [Гулямов, 1957; Бурханов, 2009; Средневековые города..., 2012].

В данной публикации мы продолжаем характеристику ряда поселенческих объектов левобережья Средней Амударьи, расположенных, в частности, в пределах Дарганского оазиса (северная часть Лебапского вейлата Туркменистана), соответствующего территориально историческим землям Южного Хорезма (см. рисунок). Рассматриваемые поселения располагались на трассе торгово-караванных путей, на одном из важных участков Великого шелкового пути, проходившего от историко-географического центра Лебапского региона – города Амуля-

Бурханов А. А. Города и поселения Дарганского оазиса левобережья Амударьи в системе древних и средневековых торгово-караванных путей (по материалам археологических исследований в Лебапском вейлате Туркменистана) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 172–183.

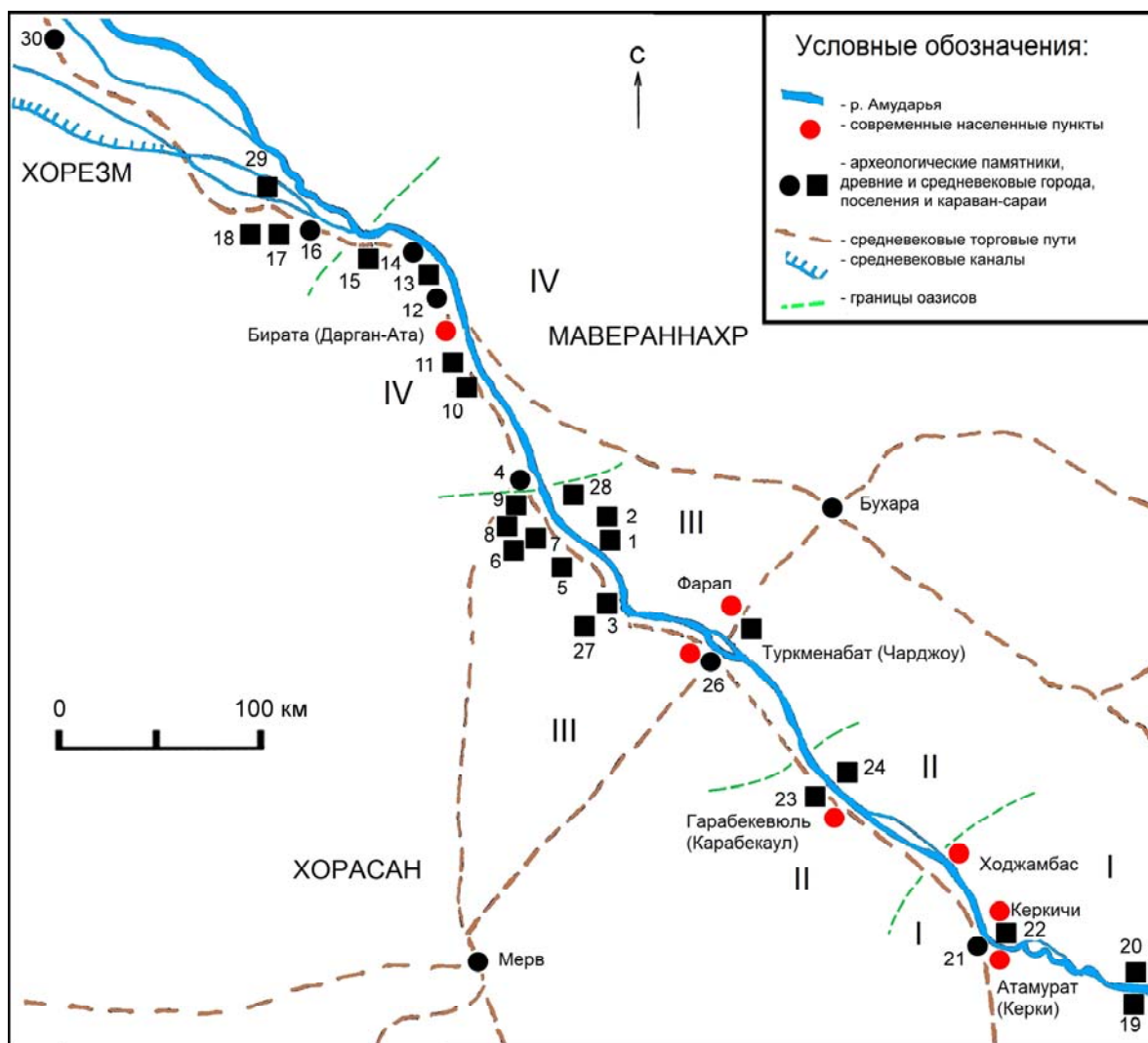

Рис. Схематичный план Лебапского региона с указанием основных древних и средневековых городов и поселений:

1 – Йигит-кала; 2 – Кыз-кала; 3 – Шай-Зенгир-депе (Мардуса); 4 – рабат Тахирия (Дая-Хатын); 5 – Сайфан (Кабаклы); 6 – Коша-кала I; 7 – Коша-кала II; 8 – Уч-Керсен; 9 – Эшек-рабат; 10 – Кетменчи; 11 – Кой-кала; 12 – Старый Дарган; 13 – Ак-рабат (Ак-кала); 14 – Джигербент; 15 – Данишер-кала; 16 – Садвар; 17 – Капарас; 18 – Елхарас; 19 – Келиф; 20 – Рабат Зуль-Кифль; 21 – Земм (Керкух); 22 – Керкичи (Ахсисек); 23 – Ходжа-Идат-кала; 24 – Навидах (Кешк Зухра-Тахир); 25 – Битык (Фирабр); 26 – Амуйль-Чарджуй; 27 – Одей-депе; 28 – Ильжик-кала; 29 – Хазарасп; 30 – Гургандж (Куны-Ургенч).

Историко-культурные оазисы:

I – Керкинско-Мирзабекский, II – Карабекаульский, III – Чарджоуский, IV – Дарганский

Чарджуя через Шай-Зенгир-депе (Мардусу) и караван-сарай Дая-Хатын (рабат Тахирию) в Хорезм.

В сочинениях авторов IX–X вв. побережье среднего течения Амударьи делилось на две историко-культурные области: Земм, соответствующая ареалу южной Керкинско-Мирзабекской группы памятников, и Амуйль, включавшей Чарджоуский и Карабекаульский оазисы [Бурханов, 2009. С. 16–17;

Древности Южного Хорезма, 1991. С. 5–6, 11–16].

Результаты историко-археологических исследований позволили нам выделить в Лебапском регионе четыре крупных историко-культурных оазиса: Керкинско-Мирзабекский (южный), Карабекаульский и Чарджоуский (центральные), а также примыкающие к последнему с севера земли Дарганского оазиса. Указанные оазисы раз-

делены между собой пустынными зонами [Бурханов, 2009. С. 16–17].

Тугайная пойма левого берега способствовала развитию земледельческого и скотоводческого хозяйства, возникновению и развитию населенных пунктов. Пески правого берега осваивались лишь скотоводами. Поселений, подобных левобережным, здесь не было, исключения составляли крепости и форпосты Усты-кала, Наргиз-кала, Йигит-кала и Кыз-кала (см. рисунок, 1–2) [Пилипко, 1980. С. 90–96; Бурханов, 2009. С. 20–21].

По сведениям средневекового автора Истахри, сплошная культурная полоса левого берега начиналась от рабата Тахирия и шла узкой полосой на север до Хазараспа, а далее постепенно расширялась [МИТТ, 1939. С. 179]. Это утверждение требует уточнения, так как цепочка караван-сараев, расположенных вне населенных пунктов на отрезках левобережного караванного пути, подчеркивает отсутствие близ них культурной зоны.

Между северной границей Чарджоуского оазиса и караван-сараям Дая-Хатын (рабат Тахирия) (см. рисунок, 3–4) сохранились руины ряда укрепленных поселений и рабатов, которые разрушаются под влиянием природных факторов и деятельности человека.

Городище Испас-кала находится в 90 км от Туркменабата, в 20 км от Бирагизкента и соответствует средневековому населенному пункту Асбасу – третьей станции (по дорожнику Истахри), которая находилась от Амуля в трехдневном переходе.

К сожалению, памятник разрушен. Однако сохранились данные Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (далее – ЮТАКЭ) об этом средневековом городище [Массон, 1966. С. 189–190], смытом водами Амударьи. Его основное ядро площадью более 1 га состояло из трех частей. Каждая из них имела систему фортификационных сооружений. Ближе к северо-восточному углу была расположена наиболее высокая часть прямоугольной формы, где находился дворец правителя. Вторая включала в себя первую, причем ворота находились в середине южного фасада. Третья охватывала вторую с запада и с юга. Ее стена являлась наружной, за исключением юго-восточного фаса, где с середины ее продолжением служила юго-восточная сте-

на второй территории. На городище отмечено наличие многообразной керамики, жженных (24 × 24 × 4 см) и сырцовых (34 × 34 × 5 см) кирпичей. Среди подъемного материала присутствует саманидский фельс, отмечанный в Бухаре, с именем Мансура бен Нуха (961–976). Судя по археологическим материалам, расцвет города приходился на период с VIII до начала XIII в. Полное отсутствие находок XIII–XIV вв. позволяет говорить о том, что поселение перестало существовать после монгольского погрома. По облику найденных материалов городище ближе к поселениям Хорасана и Мавераннахра, чем к Хорезму. Есть данные о том, что в X в. на этом месте у Испаса была переправа на правый берег, в сторону Ильжикалы, которая носила название Сикави [Там же. С. 190].

Среди небольших средневековых населенных пунктов, расположенных неподалеку от Испаса, отметим руины Кала-и-Моор, Сенгир-калы (Сенгир-рабата), Ташахыра, Санг-рабата (Сангабад), Сайфана. В частности, Сайфан (Сифан) упоминается в дорожнике Истахри как станция в одном дне пути от Испаса (см. рисунок, 5). Эти объекты были сосредоточены в пограничной зоне между областью Амуля и Южным Хорезмом, которую обычно называют территорией Кабаклинского тугая. О значимости последней как пограничного района свидетельствует один из двух объектов, расположенных в северном конце тугая на обрыве к пойме Амударьи и известных под общим названием Кош-кала (Коша-кала), что означает «две противолежащие крепости».

Южная, Коша-кала I, находится в 6 км от средневековой станции Сайфана; северная, Коша-кала II – от первой примерно в 1 км. Обе расположены на краю обрыва к пойме Амударьи (см. рисунок, 6–7). Памятник был обследован в 1939 г. С. А. Ершовым [1941], в 1954 г. отрядом ЮТАКЭ [Массон, 1966. С. 195–199], а в 1967–1968 гг. его объекты изучались В. Н. Пилипко [1969].

Особый интерес представляет крепость Коша-кала I (южная). Она была сооружена на краю обрыва к пойме. От нее уцелела только западная часть, а восточная смыта водами Амударьи. Крепость, от которой сохранилось более половины былой территории, первоначально имела подквадратную в плане форму (125 × 125 м). Ориентирована почти по сторонам света с некоторым от-

клонением оси к юго-западу. Остатки былой крепости сейчас окружены песками. В основании ее оплывших стен – платформа из пахсы, ряды которой выведены с легким откосом наружу. Выше кладка самих стен осуществлена почти отвесно из уложенных в перевязку крупных сырцовых кирпичей (40 × 40 × 6–10 см). Толщина стен достигает 5 м. Максимальная высота валов оплывших стен около 6 м. На углах квадратные башни, выступавшие относительно наружной поверхности стен на 4 м. Внутрибашенные квадратные помещения для стрелков имели пролет несколько менее 6 м. Все фасы были фланкированы прямоугольными бурджами, выдвинутыми вперед на 4–5 м при ширине по фронту в 6 м, причем они размещены на разном расстоянии друг от друга. Вдоль северного фаса, который, видимо, считался наиболее открытым противнику, их было 7, каждый на расстоянии 8–9 м, причем средний отличался от остальных тем, что выдавался вперед почти на 8 м и имел заovalенное очертание по фронту. На западном и южном фасах сооружено только три промежуточных бурджа, поставленных более разреженно (на расстоянии от 19 до 26 м друг от друга). Ворота со сложным привратным сооружением, вероятно, устроены в восточном утраченном фаса. Сильно оплывший пролом в мощной стене северной куртины западного фаса появился, скорее всего, позднее. Его пробил уже после оставления крепости, пришедшей в негодность из-за размыва в древности восточной ее части, но когда хорошо огражденная половина ее поверхности еще могла служить загоном для скота. Куртины между угловыми башнями и промежуточными бурджами (выше платформы, как и сами бурджи), имели узкие помещения для стрелков шириной 1,5–1,7 м. Их наружные стенки с бойницами выведены из четырех рядов кирпичей, тогда как обращенные внутрь крепости сделаны более тонкими – всего в три ряда кирпичей. Бойницы, судя по остаткам 8 щелей на южном фаса, располагались довольно часто: примерно через 1,5 м. Каждая из них представляла собой глубокую щель до 40 см шириной, с резким скосом нижней грани для навесного обстрела и стреловидным верхом. Выше сводчатых эллиптических перекрытий внутристенных проходов шла сплошная кирпичная кладка со вложенными в некоторых местах поперек деревянными бревнами,

которая образовывала верхнюю площадку с зубчатым парапетом, служившим прикрытием для обороняющихся воинов. Внутри крепости следов каких-либо построек не отмечено.

Среди находок присутствуют разнообразные фрагменты керамики от тонкостенных сосудов с красным ангобом до грубых толстостенных красноглиняных хумов. Из других предметов отметим бронзовый трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой, терракотовую женскую фигурку, железные крицы.

Находки и архитектурный стиль сооружений крепости определяют время ее существования с I в. до н. э., по III в. н. э., т. е. в период господства в этом регионе Кушанской державы. При строительстве крепости особое внимание уделялось обороне северного фаса, а южный был обращен в тыл, где в первую очередь прикрывал собой поселение при ней, остатки которого, прослеживаются к югу и юго-западу. Крепость была создана как укрепленный заслон против Хорезма, чьи владения в Средние века и Новое время начинались севернее Кабаклинского тугая. Все это позволяет подчеркнуть, что Коша-Кала I была пограничной крепостью Кушанской державы против Хорезма и северных кочевников [Массон, 1966. С. 198].

Коша-кала II (Тупрак-кала) в плане прямоугольная (51 × 48 м), расположена отступом от обрыва поймы реки. Оплывшие пахсовые стены в некоторых местах сохранились в 4 нижних рядах. По углам выделяются наружу глухие четырехугольные в плане ложные бурджи. В середине трех фасов были выведены прямоугольного сечения выступы, а в четвертом устроены ворота.

В связи с этим особый интерес представляют расположенные севернее (в 17 км от Кабаклы и в 11 км от Коша-калы II) развалины крепости Уч-Керсен (см. рисунок, 8). Ее остатки находятся недалеко от обрыва к пойме Амударьи. В плане руины представляют неправильный четырехугольник оплывших пахсовых стен со сторонами 60 и 72 м. Фрагменты средневековой керамической посуды и другие находки говорят о том, что крепость была важным объектом на средневековом торгово-караванном пути.

В 11 км к северо-северо-западу от Уч-Керсена, у обрыва к пойме Амударьи, располагаются развалины сооружения под названием Эшек-рабат (см. рисунок, 9). Это

небольшой средневековый придорожный караван-сарай для промежуточной остановки путников во время дневного перехода. Он квадратный в плане (31 × 31 м). Внутренний двор имеет размеры 25 × 25 м. Пахсовые стены (высотой до 80 см) внизу гладкие, а выше имели гофрированную отделку. Эшек-рабат, скорее всего, построен хорезмийскими строителями – это типичный объект хорезмийской архитектурной школы. Время существования этой крепости – IX–XII вв.

Рабат Тахирия – караван-сарай Дая-Хатын (см. рисунок, 4). В X в. это самый южный и первый с левой стороны район Хорезма. Очевидно, в промежутке между ними и проходила в Древности и Средневековье хорезмская граница [Марушенко, 1930. С. 16; Массон, 1966. С. 199; Древности Южного Хорезма, 1991. С. 13]. Ее фиксируют арабские географы и в целом она довольно традиционна на протяжении столетий. Так, в конце XIX в. пограничный столб между Хивой и Бухарой был установлен на развалинах Эшек-рабат, чуть южнее Дая-Хатына [Массон, 1966. С. 199]. Остатки средневекового архитектурного сооружения располагаются в Биратинском (бывшем Дарган-Атинском) этрапе (районе) Лебапского велаята, в 170 км севернее г. Туркменабат. Этот памятник представляет собой две разновременные постройки. Более ранняя – остатки прямоугольного рабата (112 × 125 м), построенного из сырцового кирпича (28 × 28 × 5,5 см). Некогда рабат был укреплен круглыми и прямоугольными пристенными башнями. Большинство исследователей датируют это сооружение IX–X вв. [Ершов, 1941. С. 189; Прибыткова, 1953; Массон, 1966. С. 205–206; Пугаченкова, 1958а. С. 231; Пилипко, 1980. С. 89; Древности Южного Хорезма, 1991. С. 14; Хмельницкий, 1996. С. 289]. Средневековый автор Якут связывал постройку рабата Тахирия с именем Тахир бин ал-Хусейна. М. Е. Массон отнес это сооружение к хорезмийскому пограничному рабату, так как его входные ворота ориентированы в сторону дороги из Хорезма [1966. С. 205].

В пределах более древних стен позднее был построен караван-сарай, который ныне известен под названием Дая-Хатын (Бай-Хатын). Квадратный в плане (длина стороны 53 м) он был размещен в центре рабата. Замкнутый двор охвачен остатками стрель-

чатых арок, за которыми сохранились сводчатые продолговатые помещения. Углы сооружения отмечены круглыми башнями. Арки, своды и купола караван-сарая возведены из обожженного кирпича (28 × 28 × 5,5 см), которым орнаментально облицованы и сырцовые стены. Большой интерес представляют сохранившиеся конструкции кирпичных сводов – балхи, консольные паруса. Фасады расчленены широкими прямоугольными орнаментальными панно, чередующимися с арками. Местами сохранились рельефные, выполненные из кирпича, фрагменты текстов с именем халифов Абу-Бакра, Омара и Али.

Караван-сарай является уникальным и хорошо сохранившимся памятником зодчества домонгольского Средневековья. Анализ архитектуры объекта, выявленные в нем наряду с хорезмийскими черты хорасанского стиля, позволили А. М. Прибытковой отнести строительство караван-сарая к поре могущества государства Сельджукидов при султানে Санджаре [Прибыткова, 1953; Древности Южного Хорезма, 1991. С. 14].

Поскольку историко-архитектурный анализ пока не позволяет получить данные для точной датировки памятника в пределах XI–XII вв., окончательные выводы можно будет сделать лишь после широкомасштабных раскопок на территории караван-сарая. Первые рекогносцировочные исследования позволили получить некоторые материалы по топографии и стратиграфии памятника.

Три шурфа (1 × 1 м) глубиной от 0,7 до 1,1 м, заложенные на месте предполагаемого поселения, в 100–200 м к юго-востоку от рабата, показали отсутствие значительного культурного слоя вне пределов рабата (за исключением отдельных фрагментов керамики в верхних слоях шурфа 1). Разбросанные в его окрестностях черепки могли быть оставлены караванщиками либо перенесены с территории рабата. Пока нет доказательств того, что в окрестностях караван-сарая существовало поселение городского типа.

Следующий шурф (1,4 × 0,6 м), заложенный у фасадной стены караван-сарая у первого правого панно с именем халифа Абу-Бакра, доведен до глубины 3 м.

Выявленная в нем стратиграфия четко показывает историю развития памятника. Нижняя кладка из сырцового кирпича (36 × 35 × 7–8 см) связана с возведением первоначального рабата. На это указывают зале-

гание кладки на материке и размеры сырцового кирпича, что соответствует сырцу сохранившихся кладок рабата ($36 \times 36 \times 8$ см). Слой сырцового завала над кладкой образовался в период заупустения рабата или во время работ при строительстве караван-сарая. Слой кирпичной крошки накопился во время строительства караван-сарая. Он свидетельствует о том, что окончательная обработка фигурных кирпичиков осуществлялась в процессе самой кладки. Слой рыхлой земли с золой связан с периодом функционирования караван-сарая, а слой завалов – с последующим его разрушением.

Следующий шурф ($2,0 \times 1,4$ м), доведенный до глубины 2,7 м, заложен в северном углу помещения № 16 (по нумерации А. М. Прибытковой). На глубине 2,3 м от уступа в облицовке стен помещения обнаружена кладка из жженого кирпича, выступающая от плоскости северо-западной стены на 0,5 м, а от плоскости северо-восточной – на 1 м. Высота кладки 50 см. Ниже фиксируется слой песка (материк). На одном уровне с этой кладкой расположен слой завала из битого жженого кирпича. Стены помещения построены на этой кладке, являющейся фундаментом. Непосредственно под стенами вместо жженого кирпича положен один ряд сырца, что сделано для повышения сейсмостойчивости здания. Фундамент и слой завала перекрыты прослойкой золы и пепла, над которой вновь начинается завал вперемежку с золой. Затем зафиксированы новая зольная прослойка и слой овечьего помета с натечными включениями (мощностью 40 см). В шурфе находок, кроме обломков кирпича и косточек персика, не обнаружено. Отсутствие культурного слоя над фундаментом связано с тем, что в караван-сараяе поддерживалась чистота, мусор своевременно убирался. Данные из шурфа позволили выявить отметки первоначальных полов и высоту помещения. Основание сводчатого перекрытия находится на высоте 2,6–2,7 м от пола, а общая высота помещения около 5 м.

Еще один шурф (3×2 м), глубиной до 4 м, заложен на возвышенной части территории рабата, в 19 м от северо-западной стены караван-сарая, напротив его средней полукруглой башни. В шурфе выявлены остатки конусовидной мусорной ямы (глубина – 0,9 м) и небольшой очаг. В мусорной яме и рыхлых слоях выявлены фрагменты керамической посуды.

Среди находок неполированная лощеная и орнаментированная посуда. Значительное количество сосудов относится к кувшинам и хумам. Встречены также конусовидные крышки со штампованным орнаментом. Лепные кухонные котлы имеют отогнутые наружу венчики и плоские днища. Сосуды такого типа встречаются среди материалов Хорезма IX–XI вв. [Вактурская, 1959. С. 274–276. Рис. 8, 18; Пилипко, 1980. С. 83–84. Рис. 4].

Поливная керамика представлена фрагментами чаш на невысоких дисковидных поддонах с прогибом в центре. Полива прозрачная бесцветная либо слегка желтоватая. Подглазурный орнамент выполнен красно-коричневой и коричневой краской по белому ангобу. Датированным материалом являются 2 фрагмента. Это донце чаши, в центре которого красной линией нарисован круг с изображением пальметты. Круг обрамляют фигуры с точечным заполнением и контуром, выполненным красной краской. Между ними помещены знаки, являющиеся фрагментами надписи, выполненной по краю чаши. Сосуды с аналогичными изображениями широко известны в IX–X вв. в Средней Азии и Иране, особенно близкие аналогии имеются в керамике Афрасиаба второй половины X в. [Ташходжаев, 1967]. Второе донце украшено изображением многолучевой розетки, концы лучей которой завершаются небольшими кружками. Темно-коричневая розетка выполнена на фоне концентрических кругов – белого, красно-коричневого и черного. Мотив многолепестковой розетки также широко известен в среднеазиатской керамике X–XI вв. В том же слое встречены обломки сырцовых и жженных кирпичей.

Проведенные на территории караван-сарая Дая-Хатын рекогносцировочные археологические исследования пока не велики по масштабам. Поэтому они не могут дать окончательных ответов на вопрос о времени возведения рабата и караван-сарая. Несмотря на это, в результате работ появились материалы, которые важны для решения вопросов, связанных с историей развития этого уникального историко-архитектурного комплекса. Получены доказательства возникновения рабата не ранее конца IX – начала X в. Документально установлено отсутствие крупного поселения вокруг рабата, впервые выявлена стратиграфия памятника.

Несколько ниже Дая-Хатына находятся развалины Кетменчи (см. рисунок, 10). Это квадратное в плане сооружение (27 × 27 м), построенное из пахсы [Ершов, 1941. С. 189; Массон, 1966. С. 215; Древности Южного Хорезма, 1991. С. 14]. Судя по подъемным находкам, сооружение относится к домонгольскому Средневековью.

Далее вниз по реке сохранились развалины Кой-кала, которые М. Е. Массон идентифицирует с рабатом Будина, указанным Хамдаллахом Казвини (XIV в.) и расположенным выше Даргана (см. рисунок, 11). Рядом с Кой-калой была сигнальная башня с гофрированной поверхностью внешних стен. М. Е. Массон относит оба этих памятника к XI–XIV вв. [1966. С. 215]. Однако верхняя дата может свидетельствовать о повторном, более позднем, использовании памятников.

Среди городов Хорезма ал-Истахри упоминает Дарган [МИТТ, 1939. С. 178]. Ал-Макдиси называет его «самым большим городом после Джурджании, в нем прекрасная соборная мечеть». По его же сообщению, пойменная часть ниже города (город стоял на надпойменной террасе) была обработана (9 фарсахов вдоль берега реки), там было 500 виноградников [Там же]. В. В. Бартольд, ссылаясь на Бейхаки, пишет, что «начиная с XI в. самым южным из городов Хорезма считали Дарган, в двух днях ниже Тахирии» [1963. С. 197].

По мнению Я. Г. Гулямова, особую значимость городу придавало то обстоятельство, что он находился на оживленной переправе через Амударью и на скрещении путей из Бухары, Амуля и Мерва в Хорезм [1957. С. 141].

Развалины городища Старый Дарган (Дарган-Ата), бывшего центра Дарганского оазиса, сохранились до наших дней (см. рисунок, 12). Они располагаются в 4,5 км к юго-востоку от современного районного центра Бирата Лебапского вelayата (около 200 км от Амуля и около 130 км от Хазараспа). Это средневековое городище находится непосредственно над поймой Амударьи, в 4 км от ее нынешнего берега.

Господствуя над прилегающей низиной, превращенной частично в культурные земли огромного тугая, основная часть Даргана не испытала на себе непосредственных бедствий от разливов крупнейшей центрально-азиатской реки. До настоящего времени эф-

фектно возвышаются остатки мощных фортификационных сооружений городища.

Возникновение Даргана можно предварительно отнести к VI–VII вв., хотя это еще необходимо доказать археологически. К X в. он был уже крупным городом, расцвет его приходится на XI–XII вв. Город разрушался монголами в XIII в., но вскоре возродился, затем снова пострадал в конце XIV в. от войск Тамерлана.

Остатки Даргана были обследованы С. Л. Ершовым [1941. С. 191], Я. Г. Гулямовым [1957. С. 140–141], М. Е. Массоном [1966. С. 217–232], Г. А. Пугаченковой [1958б. С. 283–290], В. Н. Пилипко [1980. С. 79–80]. В 1993 г. нами были проведены дополнительные работы по обследованию развалин Даргана и произведена их съемка с вертолета.

Г. А. Пугаченкова на основе изучения фортификационной системы городища и отдельных строительных приемов пришла к выводу, что этот город хорезмийский [1958б].

Интерес вызывает огражденная часть поселения, так называемая Куня-кала, которую М. Е. Массон считал цитаделью (арком) [1966. С. 224–226], но В. Н. Пилипко говорит о том, что это – шахристан, поскольку именно она обживалась наиболее интенсивно [1980. С. 77].

Территорию вне стен предположительно можно отнести к пригороду, так как следов застройки здесь мало. На окраине городища сохранился мавзолей Дарган-Ата, подквадратный в плане, построенный из жженого кирпича (26–27 × 26–27 × 4–5 см) на глиняном растворе. По мнению М. Е. Массона, подкупольное помещение мавзолея первоначально имело размеры 9 × 9 м. Древняя резная дверь сохранила надпись с указанием даты: «773 г. хиджры», т. е. 1371–1372 гг.

Примерно на 200 м в обе стороны от мавзолея Дарган-Ата прослеживаются остатки древнего кладбища. На разной глубине (выявленной в ходе проведения траншеи по территории городища) здесь встречены обкладки могильных ям, выполненные из жженого кирпича (24–26 × 24–27 × 4; 37 × 24 × 6; 42 × 23 × 6; 55 × 22 × 8; 55–56 × 24–25 × 8 см). Наиболее часто встречаются прямоугольные кирпичи (55 × 24 × 7–8 см) и квадратные (24–26 × 24–26 × 8 см). Наибольшая концентрация могил приходится на участок, прилегающий к мавзолею с ново-стройки.

До сих пор остается проблемным вопрос о наличии на городище слоев античной эпохи. Раскопки показали, что культурные слои на городище имеют мощность не менее 1,5 м и в основном насыщены материалами Средневековья.

Между Дарганом и Джигербентом, следующим крупным городом на пути из Амудуля в Гургандж (Куния-Ургенч), расположены развалины караван-сарая Ак-рабат (Ак-кала) (см. рисунок, 13). В плане он представляет прямоугольник (40 × 36 м), состоявший из стен, сложенных из пахсовых блоков высотой 0,8 м. Вход был с восточной стороны. Караван-сарай стоял на высокой подпойменной террасе у соленого озерца, в северной части Дарганского тугая. Памятник на основе изучения керамического материала датируется XIII–XIV вв. Примерно в 1 км к северу от Ак-рабата, на краю обрыва, над рекой, в 1966 г. были обнаружены развалины укрепления, выстроенного из квадратного сырцового кирпича (35–37 × 37 × 11–12 см). Сохранилась на 60 м северная часть стены, на 100 м – западная, на 42 м – южная. У восточного края южной стены была башня [Лоховиц, 1979]. Судя по размерам кирпича, сооружение могло быть раннесредневековым.

Далее на север, по торгово-караванному пути, располагался древний и средневековый город Джигербент. Сообщения о нем (Джагербент, Джикарбанд, Джафарбент) сохранились у средневековых авторов, в частности у ал-Истахри (X в.), ал-Макдиси (X в.), Бейхаки (XI в.), Хамдаллаха Казвини (XIV в.) [МИТТ, 1939. С. 180, 188, 206, 511]. Более детальные сведения о городе принадлежат ал-Макдиси (конец X в.), который, называя город левобережного Хорезма, сообщал: «Джигербент подобен Хиве, он на берегу, в нем много деревьев и садов, рынок его велик и благоустроен, соборная мечеть на краю его; его пересекает главная дорога» [Там же. С. 188]. Этот же автор указывал, что на правом берегу реки, у переправы, находился одноименный рабат [Там же. С. 206], который, очевидно, должен был эту переправу охранять; его можно отождествлять с сохранившимися до наших времен развалинами Саргараша [Лоховиц, 1979. С. 115–116]. Это говорит о том, что кроме основного левобережного торгово-караванного маршрута с переправой на Амудуле параллельно существовал и путь через Джигербент.

Остатки Джигербента находятся в 50 км к северу от райцентра Бирата, в 3 км западнее современного русла Амударьи (см. рисунок, 14). Город стоял на верхней надпойменной террасе, и, как у Даргана, его процветание было связано в значительной мере с развитием скотоводства и земледельческого хозяйства в пойме реки. Как и Дарган, он контролировал переправу через реку и был важным торговым центром на пути из Бухары и Хорасана в Хорезм.

Развалины Джигербента обследованы в 1936 г. Я. Г. Гулямовым, в 1954 г. – М. Е. Массоном и в 1966 г. – ХАЭЭ АН СССР. В 1974–1976 гг. Хорезмская экспедиция вела здесь раскопки [Гулямов, 1957; Массон, 1966. С. 235–236; Вишневская, 1975; 2001; Древности Южного Хорезма, 1991. С. 16–17].

Сейчас от обширного города, имевшего из-за своего выгодного расположения большое торгово-экономическое и стратегическое значение, сохранились лишь развалины цитадели. В свое время М. Е. Массон писал, что Джигербент оказался утраченным для науки, в чем значительную роль сыграло наводнение 1949 г., все же проведенные здесь раскопки осветили и уточнили важные страницы истории этого города.

Средневековая цитадель, устроенная на естественном холме, сохранилась лучше городской застройки. Раскопки показали, что первоначально, в IV–III вв. до н. э., на возвышенности была сооружена овальная в плане крепость (120 × 90 м), повторяющая очертания холма. Крепостные стены возводились из квадратного сырцового кирпича (40 × 40 × 10 см). Внутри крепостной стены (толщиной до 6,5 м) проходил внутрискладный коридор шириной 2 м. Его наружная стена была прорезана бойницами, которые повторялись через 1,75 м, и усилена башнями с передней округленной стороной, выступавшими на 5 м за линию куртин (выявлены остатки 6 башен). Башни стояли на расстоянии 25 м друг от друга.

В кушанское время жизнь в крепости продолжалась. После длительного периода запустения (IV–VIII вв.) жизнь на этом месте возобновилась в VII–VIII вв. Средневековая цитадель была возведена на развалинах древней крепости. Для этого они были выровнены и обнесены пахсовой стеной двухметровой толщины. С западной стороны на расстоянии от 4 до 8 м от первой была сооружена вторая пахсовая стена, а между

ними располагались субструкционные клетки. Башни в плане стали закругленными, получили большой вынос наружу. Таким образом, средневековая цитадель по площади превосходила древнюю крепость.

Ее стены не сохранились, однако удалось вскрыть остатки многокомнатных жилых домов IX–XI вв. в северной, западной и южной частях цитадели [Древности Южного Хорезма, 1991. С. 17; Вишневецкая, 2001. С. 7–10].

В 1017 г. Махмуд Газневи вторгся в Хорезм, и, как сообщает Бейхаки, его войско перед решающим броском было сосредоточено близ Джигербента, что, скорее всего, привело к гибели города [МИТТ, 1939. С. 511]. Этот факт подтверждается археологическими данными. В частности, в застройке северной части цитадели среди пожарища, на полу одной из комнат был найден динар, чеканенный в 406 г. х. (1016 г.) в Герате.

В XII в. жизнь в Джигербенте возродилась, но прежнего уровня расцвета город уже не смог достичь. К этому времени относятся расчищенные здесь остатки мечети и минарета, жилая застройка. По материалам раскопок видно, что на цитадели в начале XIII в. еще жили люди, но позднее город был разрушен монголами. И хотя в дорожнике Хамдаллаха Казвини Джигербент был назван, но археологически его существование пока не удалось подтвердить. Скорее всего, развалины этого времени были смыты Амударьей.

К северу от Джигербента, чуть южнее теснины Дуль-Дуль-атлаган, располагалась крепость Данишер-кала, развалины которой еще в 1952 г. были разобраны местными жителями (см. рисунок, 15). Это был средневековый караван-сарай (48 × 40 м) между Джигербентом и Садваром, построенный из пахсы [Массон, 1966. С. 238–239]. Памятник упоминается в дорожнике Хамдаллаха Казвини (XIV в.) и Хаджи-Хальфа (XVII в.) как рабат Дехан-и-Шир [Бартольд, 1963. С. 211]. Археологические материалы датируют этот объект XIV в.

Третий, после Даргана и Джигербента, большой город в Южном Хорезме-Садвар располагался еще ниже по Амударье, выше теснины Тюямуюн и Питнякской луки (см. рисунок, 16). На юго-восточной окраине городища стоят развалины караван-сарая Чаш-кала. О Садваре – городе с крепостью,

рабатом и соборной мечетью в крепости, располагавшемся на берегу Джейхуна, сообщал Макдиси. Данные о нем можно встретить в дорожниках Хамдаллаха Казвини и Хаджи-Хальфа [МИТТ, 1939. С. 187; Бартольд, 1963. С. 211]. Развалины города были обследованы и подробно описаны М. Е. Масоном [1966. С. 241–243], а в 1972–1975 гг. на городище проводила раскопки Хорезмская экспедиция [Древности Южного Хорезма, 1991. С. 18–19].

В свете решения задачи по изучению древних памятников в левобережной части торгово-караванного пути из Амуля в Хорезм особый интерес представляет исследование комплексов Капараса и Елхараса, расположенных к северо-западу от Садвара по течению Амударьи (см. рисунок, 17–18). В 1973–1975 гг. эти памятники были раскопаны ХАЭЭ АН СССР, а результаты хорошо освещены в научной литературе [Там же. С. 80–286].

Подводя некоторые итоги изучения остатков древних и средневековых поселений в левобережье Средней Амударьи в пределах Дарганского оазиса (относящихся к историческим землям Южного Хорезма, расположенных на трассе торгово-караванных путей на участке между Амулем и Джигербентом), хотелось бы отметить важность проведения историко-археологических изысканий на данном участке Великого шелкового пути (см. рисунок, 1–30). Это весьма перспективно, так как именно по левому берегу Амударьи сохранилось большинство археологических и архитектурных объектов. Кроме того, природно-географические и экологические условия побережья Амударьи, постоянное интенсивное использование прибрежной территории в хозяйственных целях пагубно влияют на сохранность историко-археологических и архитектурных памятников. До наших дней на рассматриваемом участке побережья Амударьи сохранились развалины в основном крупных и многослойных городищ, караван-сараяв и депе, а остатки менее крупных объектов прошлого погребены под культурно-ирригационными наносами, смыты водами реки, уничтожены в ходе строительных и оросительных работ, в некоторых случаях превращены в «святые места» – современные кладбища. Но, несмотря на это дошедшие до нашего времени археологические и архитектурные объекты могут дать достаточно

полное представление о культуре населения данного региона в Древности и Средневековье.

Список литературы

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Соч. М.: Вост. лит., 1963. Т. 1. 760 с.

Бурханов А. А. История изучения археологических памятников Лебапского региона (побережье среднего течения Амударьи в пределах Туркменистана) // История науки и техники. М., 2009. № 12. С. 15–23.

Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма // Керамика Хорезма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 256–278.

Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. – начало XIII в. н. э.). М.: Вост. лит., 2001. 175 с.

Вишневская О. А. Раскопки города Джигербента // АО 1974. М.: Наука, 1975. С. 522–523.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до нашего времени. Ташкент: Изд-во АН УзбССР, 1957. 313 с.

Древности Южного Хорезма // Тр. ХАЭЭ. М., Наука, 1991. Т. 16. 288 с.

Ершов С. А. Археологические памятники левого берега Амударьи // ВДИ. 1941. № 1. С. 184–192.

Лоховиц В. А. Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 112–118.

Маруценко А. А. Существенные поправки // Туркменоведение. 1930. № 12. С. 16.

Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр

(в пределах Туркменской ССР) // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во «Туркменистан», 1966. Т. 13. 516 с.

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. Арабские и персидские источники VII–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. 612 с.

Пилипко В. Н. Из работ Амударьинского отряда // АО 1968. М.: Наука, 1969. С. 427–428.

Пилипко В. Н. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 70–97.

Прибыткова А. М. Караван-сарай Дая-Хатын // Архитектурное наследие. М.: Госстройиздат, 1953. Вып. 3. С. 101–112.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. М., 1958а. Т. 6. 492 с.

Пугаченкова Г. А. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1958б. Т. 8. С. 283–290.

Средневековые города Туркменистана в системе евразийской цивилизации: Материалы Междунар. науч. конф. (28–30 марта 2012 г.) Ашгабат: Ылым, 2012. 607 с. (на туркм., англ. и рус. яз.).

Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII в. Ташкент: Фан, 1967. 212 с.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. Берлин; Рига: Gatamun. 1996. Ч. 1. 336 с.

Материал поступил в редколлегию 20.05.2014

A. A. Burkhanov

*Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

albert_burhan@list.ru

CITIES AND SETTLEMENTS OF DARGHAN OASIS FROM THE LEFT BANK OF AMU DARYA RIVER IN THE SYSTEM OF ANCIENT AND MEDIEVAL TRADING-CARAVAN TRACKS (BASED ON ARCHAEOLOGICAL DATA OF LEBAP REGION IN TURKMENISTAN)

Purpose. The article characterizes and sums up historical and archaeological studies of the sites within Darghan oasis on the left bank of the Amu Darya, the remains of which are located along an-

cient and medieval trade and caravan routes. On the basis of the study of the archaeological materials collected, we confirm the basic data of the written sources about the cities and towns of the historical Southern Khorezm region that geographically corresponds to the monuments preserved in Dargan oasis of Eastern Turkmenistan.

Results. The written sources and archaeological data available indicate that the oases and the cities of East Turkmenistan along the banks of the Amu Darya were situated on the trade and caravan routes and included in the system of the Silk Road. The archaeological materials obtained while studying the sites in northern Lebap within Dargan oasis characterize the role of the cities, settlements and caravanserais located on trade and caravan routes in ancient times and the Middle Ages. On the territory between the northern boundary of Chardjou oasis and Daya-Khatyn caravanserai there are some ruins of several fortified fortresses and rebates, which are further destroyed under the influence of natural factors and human activities. Among them Ispas-kala settlement played an important role being a site of crossing the Amu Darya. Among other small medieval villages, it is necessary to pay attention to the ruins of the Qala-i-Moore, Sengir-Kala, Tashahyr, Sangrabat, Sayfan. The fortress of Kala Kosh-I and Kosh-Kala-II are of particular interest as important objects of the Kushan empire fortification erected to repel invasions from Khorezm. The remains of the caravanserai Rabat Tahir (now the ruins of Daya-Khatyn) present another important trade and craft object of unique architecture. Archaeological studies have provided new data on the origin and development of this site in the Middle Ages. The centre of Dargan Oasis (the historical region of Southern Khorezm) is Dargan-Kala fortress located in the modern village Birata (former Dargan), which has been examined briefly so far. Near the town of Dargan Ata there is a mausoleum. One more important center of trade on the caravan route from Amul to Gurganj (the capital of Khorezm) is a medieval town Dzhigerbent, where remains of fortifications, industrial and residential buildings were discovered. Further on, on the trading route between the towns of Dargan and Dzhigerbent, there are ruins of Ak-Rabat caravanserai. Among the major trade and craft centers along trade and caravan routes there were also cities of Sadvar, Kaparas and Elharas, which are relatively well studied in terms of archaeology.

Conclusion. Studies have shown that in the region along the banks of the Amu Darya within Dargan oasis there are remains of large and medium mounds and settlements which used to be centers of trade and crafts in ancient and medieval times. Further historical and archaeological studying of these ancient and medieval towns, settlements and caravanserais remains within the Lebap region of Turkmenistan, located on the trade and caravan routes along the Silk Road, is an important task for archaeologists and historians.

Keywords: Lebap region, Darghan oasis, Southern Khorezm, Amu Darya, cities and settlements, trading-caravan track.

References

Bartold V. V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan during an epoch of the Mongolian invasion]. *Sochineniya [Works]*. Moscow, Vost. lit. Publ., 1963, vol. 1, 760 p. (in Russ.)

Burkhanov A. A. Istoriya izucheniya arkeologicheskikh pamyatnikov Lebapskogo regiona (poberezh'e srednego techeniya Amudar'i v predelakh Turkmenistana) [The history of studying of archaeological monuments of the Lebap region (the coast of a middle current of Amudarya within Turkmenistan)]. *Istoriya nauki i tekhniki [History of Science and Engineering]*, 2009, no. 12, p. 15–23. (in Russ.)

Vakturskaya N. N. Klassifikatsiya srednevekovoi keramiki Khorezma [Classification of medieval pottery of Khorezm]. *Keramika Khorezma [Ceramics of Khorezm]*. Moscow, AS USSR Publ., 1959, p. 256–278. (in Russ.)

Vishnevskaya N. Yu. *Remeslennye izdeliya Dzhigerbenta (IV v. do n. e. – nachalo XIII v. n. e.) [Crafts of Dzhigerbent (IV c. BC – early XIII century AD)]*. Moscow, Vost. lit. Publ., 2001, 175 p. (in Russ.)

Vishnevskaya O. A. Raskopki goroda Dzhigerbenta [Excavated city Dzhigerbent]. *Arkheologicheskie otkrytiya [Architectural Discoveries]*. Moscow Nauka, 1975, p. 522–523. (in Russ.)

Gulyamov Ya. G. *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneishchikh vremen do nashego vremeni* [History of an irrigation of Khoresm since the most ancient times up to now]. Tashkent, AN UzbSSR Publ., 1957, 313 p. (in Russ.)

Drevnosti Yuzhnogo Khorezma [Antiquities of South Khorezm]. *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of Khorezm archaeological and ethnographic expeditions]. Moscow, Nauka, 1991, vol. 16, 288 p. (in Russ.)

Ershov S. A. Arkheologicheskie pamyatniki levogo berega Amudar'i [Archaeological monuments of the left bank of the Amu Darya]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history], 1941, vol. 1, p. 184–192. (in Russ.)

Lokhovik V. A. Karavan-sarai Verkhnego Khorezma [Caravanserais of Upper Khorezm]. *Etnografija i arkheologiya Srednei Azii* [Ethnography and archaeology of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1979, p. 112–118. (in Russ.)

Marushchenko A. A. Sushchestvennye popravki [Substantial amendments], *Turkmenovedenie* [Turkmenovedenie], 1930, vol. 12, p. 16. (in Russ.)

Masson M. E. Srednevekovye torgovye puti iz Merva v Khorezm i v Maverannakhr (v predelakh Turkmenskoi SSR) [Medieval trading ways from Merv to Khoresm and Maverannakhr (within the limits of Turkmen SSR)], *Trudy yuzhno-turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Works of Southern-Turkmen archeological complex expedition], 1966, vol. 13, p. 516. (in Russ.)

Materialy po istorii turkmen i Turkmenistana. Arabskie i persidskie istochniki VII–XV vv. [Materials on the history of Turkmen and Turkmenistan. Arabian and Persian sources of VII–XV centuries]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1939, vol. 1, 612 p. (in Russ.)

Pilipko V. N. Iz rabot Amudar'inskogo otryada [From work of the Amu Darya detachment]. *Arheologicheskie otkrytiya 1968* [Architectural Discoveries 1968]. Moscow, Nauka, 1969, p. 427–428. (in Russ.)

Pilipko V. N. Srednevekovye pamyatniki severnoi chasti Chardzhouskoi oblasti [Medieval monuments of northern part Chardzhou area]. *Novye issledovaniya po arkheologii Turkmenistana* [New researches on archeology of Turkmenistan]. Ashkhabad, 1980, p. 70–97. (in Russ.)

Pribytkova A. M. Karavan-sarai Daya-Hatyn [Caravanserai Dai-Hatyn]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, Gosstroizdat Publ., 1953, vol. 3, p. 101–112. (in Russ.)

Pugachenkova G. A. Novye materialy k istorii arkhitektury Turkmenistana [New Materials for the history of architecture of Turkmenistan]. *Trudy yuzhno-turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Works of the Southern Turkmenistan archaeological complex expedition]. Ashkhabad, 1958a, vol. 8, p. 283–290. (in Russ.)

Pugachenkova G. A. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana v pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of development of architecture of Southern Turkmenistan of slavery period and feudalism]. *Trudy yuzhno-turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Works of South Turkmenistan archaeological complex expedition]. Moscow, 1958b, vol. 6, p. 492. (in Russ.)

Srednevekovye goroda Turkmenistana v sisteme evraziiskoi tsivilizatsii [Medieval cities of Turkmenistan in the system of the Eurasian civilization]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (28–30 marta 2012 g.)* [Proceedings of the International Scientific Conference (28–30 March 2012)]. Ashkhabad, Ylym Publ, 2012, 607 p. (in Russ., English and Turkmen)

Tashkhodzhaev Sh. S. *Khudozhestvennaya polivnaya keramika Samarkanda IX – nachala XIII vv.* [Studio pottery of Samarkand of the IX – beginning of XIII centuries]. Tashkent, Fan Publ., 1967, 212 p. (in Russ.)

Khmel'nitskii S. *Mezhdru Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv.* [Between the Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia of the XI – beginning of XIII century]. Berlin, Riga, Gamayun Publ., 1996, vol. 1, 336 p. (in Russ.)